

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

P. P. Vakhitov

Евразийство: мифы революционной эпохи

Rustem R. Vakhitov

Eurasianship: myths of the revolutionary epoch

Дан анализ мифа революционной эпохи начала XX века и мифологического ядра евразийского мировоззрения. Миф в статье понимается не как архаические ненаучные сказки, а как личностная чудесная история, как определял его А. Ф. Лосев. Автор исходит из того, что любая культура имеет свой миф, над которым надстраиваются наука, философия, искусство. В революционную эпоху мифологичность культуры открывается наиболее ярко. Революция 1917 года, перевернув российское общество и значительно архаизировав его, привела к господству в общественном сознании мифа в лосевском смысле. Основным мифом той эпохи был своеобразный космогонический миф, повествующий о явлении нового мира (мира свободного труда). Евразийство 1920–1930-х годов родилось из альтернативного мифа – о перерождении России в катастрофе революции и обретению ею своего истинного имени, ее связи с Востоком. Евразийский миф или «евразийское настроение» возникли еще до того, как в 1921 году П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, Н. С. Трубецкой и Г. В. Флоровский заявили о возникновении евразийства. Евразийское настроение звучало и в искусстве Серебряного века, в теории империализма Ленина, в политической практике большевиков и Третьего интернационала. Евразийцы облекли его в форму философского и культурологического учения. В этом учении Россия предстала как Евразия, цивилизация, связанная не только с Западом, но и с Востоком, но забывшая свое «истинное имя» в эпоху «романо-германского ига», из-за «гипноза европоцентризма». Евразийцы и большевики при этом предстают как «близнецы-герои» (один – положительный, а другой – отрицательный персонаж), которые призваны разбудить Россию и вернуть ей аутентичное самосознание.

Ключевые слова: Евразийство; руссиеведение; Россия-Евразия; Великая Октябрьская социалистическая революция; русская поэзия Серебряного века; русский марксизм; философия мифа; философия А. Ф. Лосева.

The analysis of the myth of the revolutionary era of the early twentieth century and mythological core of the Eurasian ideology is given. The myth in the article is understood

not as archaic unscientific fairy tales, but as a personal wonderful story, as defined by A. F. Losev. The author proceeds from the fact that any culture has its own myth, on which science, philosophy, and art are built. In the revolutionary era, the mythology of culture will open most vividly. The revolution of 1917, turning over Russian society and significantly archaizing it, led to the domination of myth in the public consciousness in the Losev sense. The main myth of that era was a kind of cosmogonic myth, which tells about the appearance of a new world (the world of free labor). Eurasianism of the 1920–1930-s was born from an alternative myth – about the rebirth of Russia in the catastrophe of the revolution and the attainment by it of its true name, its connection with the East. The Eurasian myth or the “Eurasian mood” arose even before P. N. Savitsky, P. P. Suvchinsky, N. S. Trubetskoy and G. V. Florovsky announced the emergence of Eurasianism. The Eurasian mood sounded in the art of the Silver Age, in the theory of Lenin's imperialism, in the political practice of the Bolsheviks and the Third International. Eurasians put it in the form of philosophical and cultural studies. In this doctrine, Russia appeared as Eurasia, a civilization connected not only with the West, but also with the East, but having forgotten its “true name” in the era of the “Roman-German yoke”, because of the “hypnosis of Eurocentrism”. At the same time, Eurasians and Bolsheviks appear as “hero twins” (one is positive and the other is a negative character), who are called upon to wake up Russia and return her authentic self-consciousness to her.

Keywords: Eurasianism; Russian studies; Russia-Eurasia; the Great October Socialist Revolution; Russian poetry of the Silver Age; Russian Marxism; philosophy of myth; philosophy of A. F. Losev.

1. Революция и миф

Социальные революции, по масштабу равные Октябрьской, неизбежно поднимают глубинные пласты общественного сознания и бессознательного. Одним из результатов этого становится архаизация общества – не только в плане упадка экономики и деградации социальных инфраструктур, но и господства в мировоззрении мифа. Мы понимаем миф не так, как его рассматривает позитивистская философия культуры, которая видит в мифе лишь фантастические рассказы, а в соответствии с концепцией А. Ф. Лосева – как символическую личностную историю. При этом все равно необходимо признать, что в архаическом обществе миф является единственно возможной формой мировоззрения, а в обществах модернистского типа над мифом надстраиваются другие формы – искусство, религия, философия, наука. Таким образом, архаизация общества приводит к тому, что другие немифологические формы мировоззрения «ужимаются», а миф, напротив, приобретает решающий удельный вес. Россия в период революции 1917 года и в первые годы советской власти буквально кишела мифами и это несмотря на то, что сами большевики видели в себе носителей сугубо рационального, научного мировоззрения, занимающихся просвещением России. Не случайно ведь именно в этот период Лосев замысливает и пишет свою фундаментальную работу о мифе – тема мифа становится актуальной, и Лосев прямо об этом говорит в том месте «Диалектики мифа», где он высмеивает убежденность в том, что научное материалистическое мировоззрение чуждо

всякой мифологии: «С точки зрения коммунистической мифологии, не только “призрак ходит по Европе, призрак коммунизма” ..., но при этом “копшатся гады контр-революции”, “воют шакалы империализма”, “оскаливает зубы гидра буржуазии”, “зияют пастью финансовые акулы”, и т. д. Тут же снуют такие фигуры, как “бандиты во фраках”, “разбойники с моноклем”, “венценосные кровопускатели”, “людоеды в митрах”, “рясофорные скулодробители”... Кроме того, везде тут “темные силы”, “мрачная реакция”, “черная рать мракобесов”; и в этой тьме – “красная заря» “мирового пожара”, “красное знамя» восстаний... Картинка! И после этого говорят, что тут нет никакой мифологии» [15, с. 125]. Такое ощущение, что пахнуло советской улицей 1920-х годов, когда Лосев продумывал и писал свое произведение под лозунги и крики бесконечных идущих по городу демонстраций...

Причем если мы обратимся теперь к действительности революционных лет, то мы увидим, что настроения и мировосприятие людей того времени обладали характерными чертами именно космогонического мифа. Современники революции воспринимали свою эпоху как конец старого и начало нового. Для масс, принявших революцию, это был, прежде всего, миф о появлении нового мира, создатели которого – сверхъестественные существа, дарующие людям новые знания и новую жизнь. Миф этот имел разновидности, но, безусловно, центральной из них был миф о трудящемся, который был закабален эксплуататорами – правителями старого мира, ставшими в наше время демонами, и освобожден от власти демонов героями нового мира – большевиками во главе с Лениным.

На фоне этого мифа, из глубин подсознания революционного общества рождается другой миф, который является вариацией революционного мифа и который стал интуитивно-глубинным ядром евразийства 1920–1930-х годов. Собственно, миф этот возник еще до того, как в Софии собрались основоположники евразийства с тем, чтобы заявить о возникновении нового общественно-политического течения. Он появляется в гуще революционных событий и зафиксирован такими поэтами той эпохи, как Блок, Есенин, Волошин. Николай Сергеевич Трубецкой прямо ссылается на «евразийское настроение» в их стихах как на исток евразийства: «Направление это (евразийство. – Р. В.) носится в воздухе. Я чувствую его в стихах М. Волошина, А. Блока, С. Есенина <...> Похоже, что в сознании интеллигенции происходит какой-то сдвиг, который, может быть, сметет все старые направления и создаст новые, на совершенно других основаниях. Сейчас все это еще очень неопределенно, но безусловно “что-то готовится, кто-то идет”» [1].

2. Евразийское настроение в русской поэзии революционной эпохи

Действительно, в поэме Максимилиана Волошина «Россия», а также в цикле его стихов «Пути России» по сути предвосхищены все основные темы евразийства. Здесь и идея преемственности Московского царства и монгольской Орды:

*И московские Иоанны
На татарские веси и страны
Наложили тяжелую пядь
И пятой наступили на стени.*

(«На Диком Поле») [6, с. 122]

и проклятие петровской петербургской России:

*..багровый, как гнойник,
Горячечный и триумфальный город,
Построенный на трупах, на костях...*

(«Россия») [6, с. 146]

и связь реформ Петра и большевистской революции:

*Великий Петр был первый большевик
.....
Дворянство было первым Р. К. П.*

(«Россия») [6, с. 151]

и глубокое прозрение религиозной сути этой революции:

*вся наша революция была
Комком религиозной истерии*

(«Россия») [6, с. 154]

и превращения большевиков в простые орудия духа русской истории:

*Есть дух Истории – безликий и глухой,
Что действует помимо нашей воли
.....
И тот же дух ведет большевиков
Исконными российскими путями.*

(«Россия») [6, с. 154]

и, наконец, даже предвосхищение провозглашенного евразийцами тайного непонятого самими большевиками смысла их революции, который состоял в необходимости собрать распавшуюся Россию:

*Социалисты разлагают рати,
Чтоб год спустя опять собрать в кулак,*

.....
*И вновь Москва сшивает лоскуты
Удельных царств, чтоб утвердить единство.*
(«Россия») [6, с. 154]

Но главное – у Волошина звучит основная идея будущего евразийства – идея азиатского степного лика России:

*Широко наше Дикое Поле,
Глубока наша скифская степь!*
(«Дикое Поле») [6, с. 123]

.....*Россия,
Как будто бы во мне самом легла
Бескрайняя и тусклая равнина
Белесою лоснящаяся тьмой,
Остуженная жгучими ветрами...*
(«Россия») [6, с. 146]

.....*До Мартобря (его предвидел Гоголь)
В России не было ни буржуа
Ни классового пролетариата
Была земля, купцы да голытьба,
Да выли ветры да орал сохой
Поля доисторический Микула...*
.....*У нас в душе некошеные степи*
(«Россия») [6, с. 153]

Эта тема – степного, скифского в русском национальном характере раскрывается и у Блока. Имеется в виду, конечно, знаменитое стихотворение Блока «Скифы», которое стало манифестом целого направления – «скифства» (Иванов-Разумник, Есенин, Клюев, Белый и др.). Стихотворение это множеством нитей связано с целым рядом знаковых произведений русской литературы и с множеством тем, которые звучали, звучат и будут звучать в русской общественно-политической мысли. Прежде всего Блок не случайно снабдил его эпиграфом из стихотворения Соловьева «Панмонголизм». Как известно, Владимир Соловьев предсказывал объединение Азии под началом Японии и нападение общеазиатской империи, возглавляемой японским императором Китая, на Западную Европу, причем для этого азиатские народы якобы пройдут через российскую Среднюю Азию, Урал, центральную и восточную Россию. России в «философском пророчестве» Соловьева отводилась роль неудачливой защитницы Европы от азиатских орд; в «истории будущего» Владимира Соловьева русские войска терпят поражение от азиатов и на северных границах России – около Санкт-Петербурга и Финляндии, и на дальневосточных, где захлебывается наступление русских

войск в Маньчжурии. Оккупировав Россию, богдыхан вторгается в Германию и Францию [21]. Интересно заметить, что Соловьев повторяет здесь логику Пушкина, который также считал, что историческая миссия России – защищать Запад от вторжения азиатских орд и что Древняя Русь однажды уже защитила Европу от татаро-монголов: «Нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех» [10, с. 26].

Блок в «Скифах» признает, что так было раньше, но эта миссия не кажется уже ему возвышенной, он упрекает Запад в неблагодарности и не желает, чтобы это продолжалось дальше:

*... Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!
.....
Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!
Но сами мы – отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами...*

[5, с. 373]

Впрочем, Блок не исключает возможности нового союза России и Запада; в сущности, стихотворение «Скифы» – это призыв к странам Европы, которые Блок именует «старый мир», на что мало кто обращает внимание. Но для этого Запад должен стряхнуть с себя вериги капитализма, должен преобразиться в огне социалистической революции:

*Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятья!
Пока не поздно – старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем – братья!
.....
В последний раз – опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!*

[5, с. 375]

Если же старый мир не опомнится, не обновится и не соединится с Советской Россией, тогда его ожидает гибель от пробудившегося Востока, и Россия будет взирать на эту гибель со смешанным чувством – радости от свершившейся исторической справедливости и скорби при виде разрушения некогда великой культуры:

*Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.*

*Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..*

[5, с. 375]

Перед нами, казалось бы, вариация на старую тему России как буфера между Западом и Востоком, но в ней разглядывает и нечто новое, ранее небывалое; в точеных строфах стихотворения Блока, как сказал бы Бадью, вершится «событие». Русские у Блока – уже не народ восточной окраины Европы, связанный с европейцами языком, религией, культурой, русские предстают некими неевропейцами-варварами, скифами:

*Да, скифы мы, да, азиаты мы
С раскосыми и жадными очами.
.....
Мы широко по делям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!*

[5, с. 373]

Скифы-русские у Блока, между прочим, не вполне азиаты, им внятен

*... острый галльский смысл
И сумрачный германский гений.*

[5, с. 373]

Они говорят на равных с европейцами и этим отличаются от истинного азиата, не знающего и не понимающего европейской культуры, разрушителя – «свирепого гунна». Но русские-скифы у Блока готовы бросить на растерзание Европу и вступить в союз со «свирепым гунном», если Европа откажется от единения с Советской Россией и общего пути к социализму. Как видим, у Блока уже присутствует идея о том, что русские – не европейцы, но и не азиаты. Через три года, в 1921 году в предисловии к «Исходу Востока» Трубецкой, Савицкий, Сувчинский и Флоровский объявят их евразийцами.

Есть у Блока и вторая «евразийская тема» – религиозное понимание большевистской революции; конечно, имеется в виду загадочный и воспринятый современниками как скандальный конец поэмы «Двенадцать», где впереди двенадцати красногвардейцев идет невидимый Иисус Христос, тем самым превращая большевистских матросов в новых апостолов.

В письме к Якобсону, где Трубецкой говорит о «евразийском настроении», он упоминает также Есенина (который, нужно заметить, входил в группу «Скифов»). Очевидно, что речь идет о ранних революционных поэмах Есенина, написанных до 1921 года, которым датировано письмо.

В этих поэмах настойчиво проводится мысль о том, что старая Россия умерла и ей на смену пришла новая Русь, которая несет с собой религиозное обновление, Христову правду для погрязшего в идеологии чистогана мира.

*Гибни, край мой!
Гибни, Русь моя,
Начертательница
Третьего
Завета.
.....
Радуйся,
Земля!
Деве твоей Руси
Новое возвестил я
Рождение.
Сына тебе
Родит она...
Имя ему –
Израмистил.*

(«Сельский часослов») [9, т. 2, с. 264–265]

*И тебе говорю, Америка,
Отколота половина земли, –
Страшись по морям безверия
Железные пускать корабли!
Не отягивай чугунной радугой
Нив и гранитом – рек.
Только водью свободной Ладоги
Просверлит бытие человек!*

(«Инония») [9, т. 1, с. 304]

*Радуйся, Сионе,
Проливай свой свет!
Новый в небосклоне
Вызрел Назарет.
Новый на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера – в силе.
Наша правда – в нас!*

(«Инония») [9, т. 1, с. 307]

Эти идеи действительно перекликаются с утверждением евразийцев о религиозном характере русской революции, в которой марксизм – лишь внешняя, чуждая народной стихии маска.

Но замечательно также, что уже в произведениях 1921–1922 годов у Есенина одновременно с евразийцами и бесспорно независимо от них возникает подлинно евразийское настроение, осознание восточного аспекта российской и русской культуры. Трудно сказать, знал ли Трубецкой летом

1921 года о поэме Есенина «Пугачев» (теоретически это возможно, так как до публикации в 1922 году Есенин много раз публично читал эту поэму, причем в первый раз летом 1921 года в Ташкенте [19]). Но в «Пугачеве» уже в полной мере звучит догадка о «степном духе» России:

*Ты ли, ты ли, разбойный Чаган,
Приют дикарей и оборванцев?
Мне нравится степей твоих медь
И пропахшая солью почва.*

[9, т. 2, с. 5].

Также в «Пугачеве» слышится доброе человеческое отношение к восточным инородцам – калмыкам. Казак Кирпичников отказывается их преследовать по приказу царицы и говорит:

*И калмык нам не желтый заяц,
В которого можно, как в пищу, стрелять.
Он ушел, этот смуглый монголец,
Дай же бог ему добрый путь.*

[9, т. 2, с. 10–11].

Сам Пугачев призывает в свое войско башкир и монголов биться с войсками Екатерины наравне с русскими:

*...этим кладбищенским планом
Мы подыдем монгольскую рать!
Нам мало того простолюдства,
Которое в нашем краю,
Пусть калмык и башкирец бьются
За бараньи костры средь юрт!*

[9, т. 2, с. 20]

Да и русские простолюдины в «Пугачеве» Есенина почти неотличимы от татар и монголов. Обычные элементы русского деревенского пейзажа – березки, стога стена – воображение Есенина преобразует в монгольский пейзаж с юртами. Бунтовщик Зарубин в «Пугачеве» говорит, обращаясь к казакам:

*Эй ты, люд честной да веселый,
Забубенная трын-трава!
Подружилась с твоими селами
Скуломордая татарва.
.....
Загляжусь я по ровной голи
В синью стынущие луга,
Не березовая ль то Монголия?
Не кибитки ль киргиз – стога?..
Слушай, люд честной, слушай, слушай
Свой кочевнический пересвист!*

[9, т. 2, с. 25]

Показательна также любовь есенинского Пугачева к Азии:

*О Азия, Азия! Голубая страна,
Обсыпанная солью, песком и известкой.
Там так медленно по небу едет луна,
Поскрипывая колесами, как киргиз с повозкой.
Но зато кто бы знал, как бурливо и гордо
Скачут там шерстожелтые горные реки!
Не с того ли так свищут монгольские орды
Всем тем диким и злым, что сидит в человеке?
Уж давно я, давно я скрывал тоску
Перебраться туда, к их кочующим станам,
Чтоб разящими волнами их сверкающих скул
Стать к преддверьям России, как тень Тамерлана.*

[9, т. 2, с. 32]

Показательно также, что азиатофобами, воспроизводящими западнический стереотип о вражде Руси и Азии, у Есенина выступают предатели, решившие отдать Пугачева правительству, чтоб спасти свои жалкие жизни:

*Знаем мы, знаем твой монгольский народ,
Нам ли храбрость его неизвестна?
Кто же первый, кто первый, как не этот сброд
Под Сакмарой ударился в бегство?
Как всегда, как всегда, эта дикая гнусь
Выбирала для жертвы самых слабых и меньших,
Только б грабить и жечь ей пограничную Русь
Да привязывать к седлам добычей женщин.*

[9, т. 2, с. 33]

Но еще ярче восприятие России как своего рода Востока звучит у Есенина в стихах 1922 года. Имеется в виду стихотворение «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» из цикла «Москва кабацкая». В стихотворении описывается попойка «пропащих людей», которые пьют и дерутся под игру на гармонике «гармониста с провалившимся носом». Среди них – лирический герой, поэт, который «заливает глаза вином», чтобы не думать о роковом, ином, что для него невыносимо. События поэты – россы, о чем упоминается особо, но постепенно поэт намеками и аллюзиями вводит тему Азии. Сначала говорится о «желтой грусти» гармоники. Потом как бы невзначай упоминается киргизская степь, где гармонист «сифилис получил». Потом выясняется, что люди, с которыми встретился поэт, – злые, отчаянные, почти безумные люди, которые еще недавно воевали в этих киргизских степях и потеряли там своих товарищей, «дурашливых, юных». В отличие от поэта, который оплакивает или свою любовь, или разочарование в жизни, они топят в вине военные воспоминания, напряжение, и если участь поэта ясна – он сгинет от вина, то его мимолетные друзья стряхнут с себя хмель безумного веселья и снова будут готовы к

войне. Они – люди гнилые, больные, от них чадит мертвечиной, но – бесшабашные, смелые, по-своему удалые, поэт их презирает и ... невольно ими любит. Они подобны воинам-степнякам, каким-нибудь монголам, которые проводят время или в битвах, или в пирах (и не описывает ли поэт пирушку с чекистами – левыми эсерами, к которым Есенин был близок? – вот после расстрела в подвале или экспроприации зерна у крестьян они глушат самогонку и горланят частушки). И после этого уже совсем не случайным становится последнее ударное двустихие стихотворения:

*Ах, Рассея моя, Рас...сея,
Азиатская сторона!*

[9, т. 1, с. 159]

Трубецкой не упоминает другого крестьянского поэта, своего рода наставника Есенина, «апостола нежного» Клюева, хотя у него тема «русской Азии» звучит гораздо раньше, чем у Есенина (кстати, Клюев также был близок к группе «Скифы»). Приведем хотя бы известное стихотворение «Вылез тулуп из чулана», которое все посвящено рассказу о глубинной связи Руси и Востока:

*Вылез тулуп из чулана
С летних просонок горбат:
«Я у татарского хана
Был из наряда в наряд.
Полы мои из Бухары
Род растягайный ведут,
Пазухи – пламя Сахары
В русскую стужу несут.
Помнит моя подоплека
Желтый Кашмир и Тибет,
В шкуре овечьей Востока
Теплится жертвенный свет.
Мир вам, Ипат и Ненила,
Печь с черномазым горшком!
Плеск звездотечного Нила
В шорохе слышен моем.
Я – лежебок из чулана
В избу заимки принес...
Нилу, седым океанам
Устье – запечный Христос».
Кто несказанное чаёт,
Веря в тулупную мглу,
Тот наяву обретает
Индию в красном углу.*

[12, с. 310–311]

А как же не вспомнить другое известное стихотворение Клюева «Есть в Ленине керженский дух», где предвосхищена и евразийская идея народной московско-допетровской подоплеки большевизма:

*Есть в Ленине керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в «Поморских ответах».*

[12, с. 377]

и прямо говорится о туранском тюркском элементе русской культуры:

*О чем же тоскует народ
В напевах татарско-унылых?*

[12, с. 378]

Схожее евразийское настроение можно найти и у других поэтов той эпохи, не упомянутых в письме Трубецкого, но мы сейчас не станем множить примеры. Итак, в период с начала XX века и до конца гражданской войны в России начинает формироваться новый, прежде небывалый образ России, в котором Россия представляла не как восточноевропейская, славянская цивилизация, связанная с Западной Европой узами племенного, цивилизационного и религиозного единства, как это считалось в Российской империи до революции, а как особая неевропейская цивилизация, отличная от цивилизаций Азии, но гораздо более близкая к ним по духу, нежели к Западу. Причем эта новая неевропейская, полуазиатская Россия тоже принадлежит к «новому миру», порожденному революцией.

3. «Евразийское настроение» в марксизме

В малоизвестной даже среди специалистов книге Н. Н. Алексеева «Пути и судьбы марксизма. От Маркса и Энгельса к Ленину и Сталину» (Берлин, 1936) дается примечательная оценка взглядов Ленина как «евразийского марксизма». Н. Н. Алексеев пишет: «большевизм» или ленинизм... является... специфической формой марксизма. В ленинизме западный социал-демократ и ученик Маркса скрестился некоторым причудливым образом с «взбунтовавшимся славянофильством» (пользуясь выражением Плеханова). Победила особая евразийская разновидность марксизма...» [2, с. 63–64].

Далее Алексеев подробно рассматривает взгляды Ленина – от ранних, периода борьбы с народничеством, до поздних статей 1920-х годов и доказывает, основываясь на текстах, свой тезис о неортодоксальном, евразийском характере ленинской версии марксизма. Разумеется, его интересует вся

панорама ленинизма, включая, например, учение о государстве, тем более что оно имеет явные переключки с этатизмом евразийцев. Но мы сосредоточимся на «евразийском настроении Ленина», иначе говоря, на его оценке взаимоотношений России и Запада, с одной стороны, и России и Востока – с другой, которая действительно во многом предвосхищала евразийский тезис о том, что Россия-Евразия должна возглавить бунт «человечества» против «Европы».

Первоначально Ленин был откровенным западником и даже более того, он хлестко и резко высмеивал народничество с его теорией особого пути России к социализму. Взгляд Ленина на Россию, полностью соответствующий официальной парадигме Российской империи, мы находим в самом начале его статьи «О национальной гордости великороссов»: «Нам, представителям великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии, неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса...» [14, т. 26, с. 106–107]. В декабре 1914 года, когда была написана эта статья, Ленин вполне разделял господствующее в романовской России мнение, что Россия – европейская империя, имеющая колонии на Востоке, и этим она ничем не отличается от Британской или, скажем, Французской империи. Отличие лишь в том, что Россия – страна слабо развитого капитализма: русские, по Ленину, – одна из самых отсталых европейских наций, живущих на полуаграрном востоке Европы. В 1914 году Ленин еще не сомневается, что, как и предсказывал Маркс, революцию сначала произведут высокоразвитые нации Запада, в чьих странах существует высокоразвитый капитализм, а только потом можно будет говорить об экспорте революции в отсталую, аграрную Россию. В упомянутой статье Ленин сетует, что революционности в России пока мало, но при этом радуется, что она вообще есть. Он пока и не мечтает о социалистической революции в России. Его самые смелые надежды простираются лишь до перспективы буржуазно-демократической революции, которая приблизила бы Россию к состоянию светской, демократической республики, в котором страны Европы и США к тому времени находились уже много десятилетий, а то и столетий: «Мы, великорусские рабочие ... хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства» [14, т. 26, с. 106–108]. Обратим внимание: Ленин говорит о Великороссии, то есть этнографической России примерно в границах современной Российской Федерации. В 1914 году Ленин считал, что Украине и российской Центральной Азии (не говоря уже о Польше и Финляндии) можно, исходя из права каждого народа на самоопределение, предоставить независимость. При этом он не исключал того, что российский капитализм может пойти по пути великодержавия, сохранения империи, но уже на но-

вой капиталистической основе, но считал, что такой путь, хоть и является исторически прогрессивным, не может быть поддержан марксистами, потому что их идеал – демократическая, а не великодержавная Россия.

Но уже через два года, в 1916 году Ленин осуществляет пересмотр своего «западнического марксизма». Речь о работе «Империализм как высшая и последняя стадия развития капитализма», в которой получила выражение концепция, составившая основу специфики ленинской версии марксизма. Ленин создал альтернативную каутскианской критическую теорию империализма, так сказать, взгляд на империализм не с Запада, а с Востока (поэтому она и получила такой огромный успех у азиатских коммунистов и демократов [22] и встретила такое сдержанное и даже скептическое отношение со стороны большей части европейских социал-демократов). По Ленину, европейский западный капитализм уже перестал играть прогрессивную роль в истории, характерную для него в XVII–XIX веках, когда за счет капиталистического производства в Европе произошли модернизация и индустриализация. Западный капитализм XX века стал спекулятивным, ростовщическим, банковским, который не способствует социальному прогрессу, а лишь занимается грабежом колониальных стран, лишая их возможности какого бы то ни было развития, в том числе и капиталистического. Более того, империализм развращает и собственный европейский пролетариат, превращающий его в пособников буржуазии. Отсюда следует, что сами по себе западный пролетариат и возглавляющие его социал-демократические партии не способны произвести социалистический переворот. Запалом к мировому революционному взрыву послужит не пролетарская революция в странах Запада, как полагал Маркс, а национально-освободительные революции в странах отсталого капитализма, сохранивших огромный аграрный сектор, таких как Россия и страны Азии.

«Здесь мы видим зарождение одного из основных моментов ленинизма, – констатирует Алексеев. – Ленинизм есть марксизм, который потерял веру в то, что капитализм развитием собственных потенций придет к социализму... Он есть предвосхищение той мысли, что может быть революционный материал лучше искать в странах незрелого капитализма» [2, с. 71]. Эти революции будут произведены пролетариатом в союзе с революционной «мелкой буржуазией», как Ленин характеризовал крестьянство, которое составляет большую часть населения неевропейских и особенно азиатских стран. Данные революции, по мысли Ленина, должны взорвать империализм, так сказать, снизу, а не сверху и, лишив западный пролетариат его материального комфорта, пробудить его революционность. В 1916 году в статье «О карикатуре на марксизм и об “империалистическом экономизме”», развивающей и дополняющей идеи книги об империализме, Ленин писал: «Социальная революция не может произойти

иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях» [14, т. 30, с. 112].

Но особенно ярко Ленин говорит об этом в статье с характерным названием «Отсталая Европа и передовая Азия»: «В цивилизованной и передовой Европе, с ее блестящей развитой техникой, с ее богатой, всесторонней культурой и конституцией, наступил такой исторический момент, когда командующая буржуазия, из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое... В Азии везде растет, ширится и крепнет могучее демократическое движение. Буржуазия там еще идет с народом против реакции. Просыпаются к жизни, к свету, к свободе сотни миллионов людей» [14, т. 23, с. 166–167].

Эту точку зрения Ленин сохранил до конца жизни. Незадолго до смерти в статье «Лучше меньше, да лучше» Ленин проводил те же самые взгляды: «Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена» [14, т. 45, с. 157].

Здесь, где Россия, которую еще 8 лет назад Ленин считал европейской страной, стоит через запятую в одном ряду с Индией и Китаем, «евразийское настроение» Ленина звучит в полный голос. Это те же самые идеи, которые несколько в ином виде провозглашаются и в ранней работе основоположника евразийства Н. С. Трубецкого «Европа и человечество» (вышедшей в свет несколькими годами раньше) – о восстании неевропейских цивилизаций и народов против капиталистического Запада и об особой роли, которую должна сыграть в этом восстании пореволюционная Россия.

Мы рассмотрели своеобразное «евразийское настроение в марксизме», которое сами евразийцы не указывали в качестве истока евразийства (в отличие от евразийского настроения в поэзии), но которое, безусловно, таким было, поскольку попытки молодого Советского государства, возглавляемого русскими марксистами, налаживать связи с угнетенными народами Востока не могли не вдохновлять евразийцев и не утверждать их в убеждении, что наступила новая эпоха, когда европейская западная цивилизация теряет статус исторической и на сцену истории выступают восточные народы и Россия.

4. Евразийский миф

Ни литературные произведения, ни политическая идеология не являются мифами как таковыми. Но в них преломляются мифы. Если миф не совпадает с ними, то он все равно через них «просвечивает». Проанализировав приведенные стихи и идеологические концепции, мы можем вывести основные мотивы евразийского мифа, которые, складываясь, порождают мифологический нарратив, нашедший свое самое яркое воплощение в евразийской идеологии.

Итак, первый мотив, который звучит в евразийских текстах, – это мотив возрождения России в стихии революции (при этом не рождается новый мир, как в космогоническом большевистском мифе, а Россия лишь обновляется). Россия сбрасывает с себя европейскую личину, которую надел на нее Петр, и предстает в своем исконном, истинном облике – цивилизации неевропейской, а чем-то даже близкой к Азии, короче говоря, в облике Евразии.

Второй мотив состоит в восприятии лидеров революции – большевиков не как «подлинных героев», а как псевдогероев, разбудивших Россию от чар, но не могущих объяснить ее истинную природу, назвать ей ее настоящее имя – Евразия, которое она «забыла» (большевики подменили его ложным, «неправильным» именем – СССР). В сущности, большевики не понимают и истинного смысла своих действий (в манифесте «Евразийство: опыт систематического изложения» прямо говорилось, что большевики, возглавившие революцию, «были не руководителями ее, а ее орудиями» [20, с. 52]), они думали, что строят «новый мир социализма», а на самом деле возрождали Россию как евразийскую державу.

И третий мотив евразийского мифа состоит в том, что миссия освобожденной России-Евразии – возглавить бунт неевропейских народов против их недавней угнетательницы – Европы, метрополии мирового империализма, который еще благополучно существовал в 1920-е годы, хотя уже и начал качаться под напором антиколониального движения.

Легко заметить, что евразийский миф принципиально отличается от коммунистического мифа, хотя они имеют общую «точку отсчета» – русскую революцию. Коммунистический миф, как мы уже говорили, – космогонический, согласно ему русская революция открывает новую мировую эпоху, новый эон, в котором уже не будет того зла и угнетения, которые господствовали в предшествовавший, старый эон. Лидеры революции, прежде всего Ленин, предстают в нем как сверхъестественные существа – создатели нового мира, которые становятся объектом подражания для всех людей.

По евразийскому мифу русская революция также открывает новую эпоху – «эпоху веры» (П. П. Сувчинский), в которую на смену материалистическому западному мировоззрению приходит религия, и прежде всего православное христианство, носителем которого является новый лидер,

но не угнетатель освобожденного от власти Европы человечества – Россия-Евразия. Но для самой России это эпоха не рождения, а возрождения, возврата на новом уровне к своей истинной «монгольской», «туранской», евразийской природе, которой она была верна в допетровскую эпоху и которая была заменена европейской личиной, роковой фигурой евразийской истории – царем-реформатором Петром.

Если мы обратимся к современной науке о мифе, то мы обнаружим, что в основе евразийского мифа лежит известный, представленный множеством вариантов почти во всех культурах мира и хорошо исследованный миф о памяти и забвении. Суть его сводится к тому, что герой (или героиня) под воздействием чар злого волшебника (волшебницы или волшебников) или просто попадания в особое заколдованное место («сакральный топос») засыпает, либо просто забывает свое имя, происхождение, цель своего путешествия и считает себя другим человеком, совершает поступки, которые раньше не совершал и не мог совершать. Однако через некоторое время появляется спаситель (ученик, жених, родители или весть от них), который заставляет героя вспомнить, кто он такой, освобождая его от ложного существования.

В Индии – это миф о йоге Мациендранате, который влюбился в королеву Цейлона (или попал в плен к женщинам в стране Кадали) и забывает свои имя и прошлое; память ему возвращает его ученик Горахнат при помощи танца и песен с загадочными словами [25, с. 113–115]. У гностиков это миф о принце с Востока, который отправился за жемчужиной, охраняемой змеем, в Египет, но там он попал в плен к местным жителям, которые при помощи волшебного угощения лишили его памяти и он стал думать, что он – простолюдин и один из местных жителей, пока не получил письмо от родителей, вернувшее ему память [25, с. 122–123]. В европейской традиции это миф о спящей красавице, которую погрузила в волшебный вековой сон злая колдунья, но которую возвращает к жизни своим поцелуем прекрасный принц.

По замечанию Элиаде, во всех случаях этот миф имеет смысл умирания и возрождения, после которого смерть над человеком уже не властна: «забвение» ассоциируется со смертью, и, наоборот, «пробуждение, возвращение памяти является неперенным условием бессмертия» [25, с. 112].

В евразийском мифе этот сюжет преломляется таким образом, что Россия, которая до Петра вполне осознавала себя Евразией, «русско-татарским царством», отличным и даже противопоставляющим себя католической Европе, но зато связанным правопреемством с Монгольской империей Чингисхана, вдруг в результате «революции сверху», произведенной Петром Первым, забывает о своей евразийской сущности, о своей истории, о своих братьях – туранских народах, начинает воспринимать себя как европейскую державу, создает себе новую историю, написанную дворянскими западническими ис-

ториками, начинает презирать свих братьев-туранцев. Россия даже меняет свое имя с Московского царства, Московии, на Российскую империю (и глава ее начинает именовать себя не царем, как летописи называли и ордынских ханов, а императором, подобно западным монархам).

Петр здесь предстает как злой волшебник, погрузивший Россию в долгий период забвения себя, отсутствия четкого аутентичного национального самосознания, причем Петр – еще и царь, который добровольно стал учеником европейцев; таким образом, подлинными черными чародеями в евразийском мифе предстают европейцы, а колдовским зельем, при помощи которого они погружают в забвение другие народы, является европоцентризм, про который Н. С. Трубецкой в «Европе и человечестве» писал, что он действует на неевропейцев «гипнотически» и заставляет их считать родную культуру отсталой только потому, что она непохожа на европейскую.

Нетрудно понять, что согласно этому мифу в революции Россия старая умирает и возрождается как Россия-Евразия. «Чудо» (без которого не бывает мифа, ведь миф, по Лосеву, – чудесная личностная история) с позиции евразийского мировоззрения и состояло в том, что после распада России в ходе гражданской войны на карликовые государства Россия как государственное целое снова возродилась, пусть и под названием СССР.

Кого же евразийский миф представляет как спасителя, освобождающего Россию-Евразию от чар? Образ этого спасителя как бы двоится: с одной стороны, это – Ленин и большевики, которые призвали народ к революции и возглавили ее, но большевики при этом остаются западниками и видят в русской революции лишь прелюдию европейской революции; в этом смысле они и сами до конца не избавились от чар европоцентризма. С другой стороны, это – сами евразийцы и прежде всего хоровая личность Трубецкого–Савицкого–Сувчинского, которая противостоит Ленину и руководству большевиков, претендует на то, чтобы возглавить революцию в ее последней завершающей фазе и вернуть России ее национальное самосознание и ее истинное имя – Евразия.

Перед нами усложнение мифа о памяти и забвении близнецовым мифом, как его называют специалисты. В нем всегда присутствуют братья, которые символизируют собой единство и борьбу диалектических противоположностей: «В мифах о братьях-близнецах, характерных для дуалистических мифологий ... один из братьев связывается со всем хорошим или полезным, другой – со всем плохим или плохо сделанным...» [11, с. 174] (заметим в скобках, что когда в мифе говорится и о России-Евразии, подчеркивается именно братство евразийских народов). Таких мифов множество и встречаются они также у разных народов мира: Авель и Каин, Исав и Иаков у древних иудеев, Ромул и Рем у римлян. В литературных переработках мифов у европейских романтиков возникают

схожие персонажи – человек и его двойник или его тень. В германской мифологии (миф о нибелунгах, миф об Артуре) есть схожий сюжет о герое и его сопернике, обличье которого принимает герой (Зигфрид принимает обличье Гюнтера, чтобы помочь ему овладеть Брюнхильдой, Утер Пендрагон при помощи Мерлина превращается в герцога Гарлойса, чтобы овладеть Игрейной), причем знаменательно, что в случае Брюнхильды речь идет о забвении собственной природы: Брюнхильда, которая была валькирией, наказана Вотаном и отправлена на землю, где она считает себя обычной земной девушкой.

В евразийском мифе близнецный сюжет выражается в том, что большевики и евразийцы предстают как братья и в то же время враги. Причем большевики – это «плохой близнец», они разбудили Россию случайно, сами того не желая, можно сказать по ошибке, тогда как настоящими освободителями России от «романо-германского ига» должны стать евразийцы, олицетворяющие «хорошего близнеца». «Близнецность» евразийцев и большевиков хорошо осознавалась их критиками, которые прозвали евразийцев «православными большевиками», да и самими евразийцами, в частности П. Н. Савицким который в письмах Струве характеризовал евразийство как «большевизм справа», противоположный настоящему большевизму по содержанию, но схожий по энергетике, активному напору и т. п.

Мы должны вернуться к теме братьев в евразийском мифе. И сами народы Евразии относятся здесь друг к другу по-братски (в одном из евразийских манифестов прямо говорится о склонности к братанию народов российского пространства, большевики и евразийцы – тоже братья, но воплощающие противоположности). Вспомним, что еще одно определение мифа, по Лосеву, гласит, что в мифе кровнородственные (в том числе и братские) отношения переносятся на весь мир, потому что миф возник в первобытную эпоху, когда кровнородственная община была единственной формой человеческого общежития; живучесть мифа Лосев объясняет также тем, что кровнородственные отношения существуют и по сей день. Кстати, в годы революции, когда наступили разруха и голод, общественные институты разрушились и доверять чужим и даже знакомым людям стало опасно, как всегда бывает в такие эпохи, возросла роль семьи, взаимопомощи родственников. Это, на наш взгляд, послужило еще одной причиной распространения мифов в революционной России.

Евразийский миф, очевидно, рождается во временной промежуток с 1916 года (когда Ленин написал свой «Империализм») по 1922 год (когда закончилась гражданская война). Именно тогда, когда в России назревают и происходят революционные события, он начинает проявляться и в поэзии Блока, Есенина, Клюева, Волошина, Хлебникова, и в идеологии большевиков (признание капитализма Запада «загнивающим» и поворот к Востоку),

а также в политической практике молодого Советского государства (политика по отношению к туранским националистам) и связанного с ним Третьего интернационала (поддержка антиколониальных выступлений в Персии, Индии и Китае).

Подведем итоги. Революция, перевернув российское общество и значительно архаизировав его, привела к господству в общественном сознании мифа. Основным мифом той эпохи был своеобразный космогонический миф, повествующий о явлении нового мира. Евразийство родилось из альтернативного мифа – о перерождении России в катастрофе революции и обретении ею своего истинного имени.

Вахитов Рустем Ринатович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета.

450074, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32.

Rustem R. Vakhitov – Ph.D. in Philosophy, associate professor, Bashkir State University.

450074, 32 Zaki Validi Str., Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Rust_R_Vahitov@mail.ru

Список литературы

1. *Аверинцев С.* Несколько мыслей о «евразийстве» Н. С. Трубецкого. Опыт беспристрастного взгляда // *Новый мир.* 2003. № 2. С. 137–149.
2. *Алексеев Н.Н.* Пути и судьбы марксизма. Берлин, 1931.
3. *Бадью Ален.* Манифест философии. СПб.: Machina, 2003. 184 с.
4. *Барт Ролан.* Мифологии. М.: Издательство имени Сабашниковых, 2000. 320 с.
5. *Блок А.* Стихотворения и поэмы. М.: Художественная литература, 1984. 189 с.
6. *Волошин М.* Избранное: стихотворения, воспоминания, переписка. / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. З. Давыдова, В. Купченко М., 1993. 478 с.
7. Герасимов, Есенин, Клычков. Кантата. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Кантата_\(Герасимов,_Есенин,_Клычков\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Кантата_(Герасимов,_Есенин,_Клычков)) (дата обращения: 28.07.2019).
8. *Гусейнов Гасан. Д. С. П.* Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М.: Три квадрата, 2004. 272 с.
9. *Есенин С.* Собрание сочинений в трех томах М.: Правда, 1983.
10. Заветы Пушкина. Общая редакция доктора философских наук В.И. Копалова. Екатеринбург: Банк культур. Информ., 1999. 140 с.
11. *Иванов В.И.* Близнечные мифы // *Мифы народов мира.* Энциклопедия. М., 1997.
12. *Клюев Н.* Сердце единорога // *Стихотворения и поэмы.* СПб.: Издание Русского христианского гуманитарного института, 1999. 1072 с.
13. *Кротов Яков.* Непятидневная война. Приложение 3. Война на языке новояза. URL: http://www.k2x2.info/politika/nepjatidnevnaia_voina/p13.php (дата обращения: 28.07.2019).
14. *Ленин В.И.* ПСС. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1967.

15. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Издательство «Мысль», 2001. 558 с.
16. Огюст Кабанес Леонард Насс. Революционный невроз. URL: http://krotov.info/history/18/1789rev/kaban_00.htm (дата обращения: 28.07.2019).
17. Олейников Н. Пучина страстей: стихотворения и поэмы. Л.: Сов. Писатель, 1991. 272 с.
18. Революционные праздники Страны Советов. URL: http://www.fiesta-da.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=159&Itemid=132 (дата обращения: 28.07.2019).
19. Розмайн М.Д. Все, что помню о Есенине. URL: <http://www.bibliotekar.ru/esenin-sergey/14.htm> (дата обращения: 28.07.2019).
20. Савицкий П.Н. Континент-Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.
21. Соловьев В. С. Сочинения в 2-х т. Т. 2 / общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева; Примеч. С.Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1988. 822 с.
22. «Теория Председателя Мао Цзэдуна о делении на три мира – огромный вклад в марксизм-ленинизм». Редакция газеты «Жэньминь жибао» (1 ноября 1977 г.). Пекин, 1977. URL: http://library.maoism.ru/three_world.htm (дата обращения: 28.07.2019).
23. Тольц В. 1918: Первая годовщина Октябрьского переворота. Радио «Свобода». Радиопрограмма из цикла «документы прошлого». URL: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/472504.html> (дата обращения: 28.07.2019).
24. Тумаркина Нина. «Ленин жив!» Культ Ленина в Советской России. URL: <http://bookitut.ru/Lenin-zhiv-Kuljt-Lenina-v-Sovetskoj-Rossii.AContents.html> (дата обращения: 28.07.2019).
25. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2010. 256 с.
26. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. СПб.: Алетейя, 1998. 258 с.

References

1. Averincev S. Neskolko myslej o «evrazijsjstve» N. S. Trubeckogo. Opyt bespristrastnogo vzglyada // Novyj mir. 2003. № 2. S. 137–149.
2. Alekseev N.N. Puti i sudby marksizma. Berlin, 1931.
3. Badyu Alen. Manifest filosofii. SPb.: Machina, 2003. 184 s.
4. Bart Rolan. Mifologii. M.: Izdatelstvo imeni Sabashnikovyh, 2000. 320 s.
5. Blok A. Stihotvoreniya i poemu. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1984. 189 s.
6. Voloshin M. Izbrannoe: stihotvoreniya, vospominaniya, perepiska. / sost., podgot. teksta, vstup. st. i komment. Z. Davydova, V. Kupchenko M., 1993. 478 s.
7. Gerasimov, Esenin, Klychkov. Kantata. URL: [http://ru.wiki source.org/wiki/Kantata_\(Gerasimov,_Esenin,_Klychkov\)](http://ru.wiki source.org/wiki/Kantata_(Gerasimov,_Esenin,_Klychkov)) (data obrashcheniya: 28.07.2019).
8. Gusejnov Gasan. D. S. P. Sovetskie ideologemy v russkom diskurse 1990-h. M.: Tri kvadrata, 2004. 272 s.
9. Esenin S. Sobranie sochinenij v trekh tomah M.: Pravda, 1983.
10. Zavety Pushkina. Obschaya redakciya doktora filosofskih nauk V.I. Kopalova. Ekaterinburg: Bank kultur. Inform., 1999. 140 s.
11. Ivanov V.I. Bliznechnye mify // Mify narodov mira. Enciklopediya. M., 1997.
12. Klyuev N. Serdce edinoroga // Stihotvoreniya i poemu. SPb.: Izdanie Russkogo hristianskogo gumanitarnogo instituta, 1999. 1072 s.
13. Krotov Yakov. Nepyatidnevnyaya vojna. Prilozhenie 3. Vojna na yazyke novoyaza. URL: http://www.k2x2.info/politika/nepjatidnevnyaya_vojna/p13.php (data obrashcheniya: 28.07.2019).
14. Lenin V.I. PSS. 5-e izd. M.: Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1967.

15. Losev A.F. Dialektika mifa. M.: Izdatelstvo «Mysl», 2001. 558 s.
16. Ogyust Kabanes Leonard Nass. Revolyucionnyj nevroz. URL: http://krotov.info/history/18/1789rev/kaban_00.htm (data obrashcheniya: 28.07.2019).
17. Olejnikov N. Puchina strastej: stihotvoreniya i poemy. L.: Sov. Pisatel, 1991. 272 s.
18. Revolyucionnye prazdniki Strany Sovetov. URL: http://www.fiesta-da.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=159&Itemid=132 (data obrashcheniya: 28.07.2019).
19. Rozmajn M.D. Vse, chto pomnyu o Esenine. URL: <http://www.bibliotekar.ru/esenin-sergey/14.htm> (data obrashcheniya: 28.07.2019).
20. Savickij P.N. Kontinent-Evraziya. M.: Agraf, 1997. 464 s.
21. Colovev V. S. Sochineniya v 2-h t. T. 2 / obshch. red. i sost. A.V. Gulygi, A.F. Loseva; Primech. S.L. Kravca i dr. M.: Mysl, 1988. 822 s.
22. «Teoriya Predsedatelya Mao Czeduna o delenii na tri mira – ogromnyj vklad v marksizm-leninizm». Redakciya gazety «ZHenmin zhibao» (1 noyabrya 1977 g.). Pekin, 1977. URL: http://library.maoism.ru/three_world.htm (data obrashcheniya: 28.07.2019).
23. Tolc V. 1918: Pervaya godovshchina Oktyabrskogo perevorota. Radio «Svoboda». Radioprogramma iz cikla «dokumenty proshlogo». URL: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/472504.html> (data obrashcheniya: 28.07.2019).
24. Tumarkina Nina. «Lenin zhiv!» Kult Lenina v Sovetskoj Rossii. URL: <http://bookitut.ru/Lenin-zhiv-Kuljt-Lenina-v-Sovetskoj-Rossii.AContents.html> (data obrashcheniya: 28.07.2019).
25. Eliade M. Aspekty mifa. M.: Akademicheskij proekt, 2010. 256 s.
26. Eliade M. Mif o vechnom vozvrashchenii. SPb.: Aletejya, 1998. 258 s.